

Соломаха Елена Николаевна

канд. ист. наук, доцент

Андронова Наталья Владимировна

студентка

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского»

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

DOI 10.21661/r-461605

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СЕРЕДИНЕ ХХ ВЕКА

Аннотация: статья освещает один из периодов в истории исторической науки и партийного вмешательства в науку. Речь идет об одной из наиболее заметных политических кампаний в конце 40-х гг. XX века и о судьбах некоторых представителей исторической науки, вовлеченных в нее.

Ключевые слова: кампания по борьбе с космополитизмом, Н.Л. Рубинштейн, М.Н. Тихомиров, О. Ванштейн, И.И. Минц, ссылка, отстранение от преподавательской деятельности, партийное влияние на науку.

В послевоенные годы усилилось идеологическое давление власти на интеллигенцию. Об этом свидетельствуют многочисленные факты наступления на представителей сферы искусства и литературы, на ученых разных отраслей знания и на ученых-гуманитариев [1; 7]. Особенно яркой стала кампания по борьбе с космополитизмом. Ее началом на историческом фронте послужило обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Судьба этого историка может служить иллюстрацией линии взаимоотношений власти и научной интелигенции сер. XX в.

Н.Л. Рубинштейн более других подходил для того, чтобы его творчество стало предметом специального обсуждения в русле указанной кампании. Во-первых, на страницах этой работы нашел отражение тезис автора, что отечественная

культура – часть мировой (и воспринимающая и обогащающая ее), марксизм тоже относится к сфере мировой культуры. Во-вторых, положительное отношение Н.Л. Рубинштейна к труду дореволюционных историков и их учеников (выступление против книги совпали с начатой вновь пропагандой негативного отношения к творчеству русских историков начала XX в.). Можно было исходить и из того, что книга, вышедшая в начале войны, не стала предметом серьезных дискуссий, широкое обсуждение труда началось в 1948 г., в иной идеологической и историографической обстановке. Кроме того, ориентировка на критику его труда была дана еще в 1944 г. на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) [2, с. 70–71].

Вскоре в «Вопросах истории» Н.Л. Рубинштейн сам, сопоставляя различные варианты изложения материала своей книги, в свете повышенных требований ЦК ВКП (б) к идеологической работе, выражал готовность исправить недостатки [3, с. 89–93]. В этом же номере была напечатана статья – рецензия М.Н. Тихомирова [4, с. 94–99]. Как верно отметил С.О. Шмидт, редакция журнала, открыв дискуссию статьей опального автора, хотела продемонстрировать новаторство в реализации схем подобных обсуждений и, возможно, смягчить удар и по Рубинштейну, и по исторической науке в целом [5, с. 216]. Однако, редакция в 1949 г. за неумение реагировать на запросы общественной жизни, вовремя выявлять космополитов была заменена новой. Волна критической кампании только нарастала.

Обвинения и замечания, предъявленные Н.Л. Рубинштейну на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами и в печати 1948–49 гг., были повторены в 1949 г. в стенах различных научных заведений. Уже февраль не был для ученого спокойным (сессия в институте истории, партсобрание истфака МГУ). Над итогами партсобрания размышляет в дневниковых записях историк С.С. Дмитриев: «Главная опасность – «школа Минца» (Минц, Городецкий, Разгон, Генкина – она проявление антипатриотизма в исторической науке). На втором месте – Рубинштейн с его «Историографией»... В отношении первых речь едва ли пойдет об удалении с истфака Для Рубинштейна дело может закончиться исключением

из партии» [6, с. 145]. На расширенном объединенном заседании кафедр истории СССР, истории международных отношений, всеобщей истории «выступавшие без устали разоблачали враждебную сущность... О.Л. Вайнштейна, Г.А. Деборина, А.И. Деборина, В. Лана, И.И. Минца, Н.Л. Рубинштейна, И.М. Разгона» [7, с. 313]. В конце марта список критикуемых расширился – Е.А. Косминский, А.И. Неусыхин, В.М. Лавровский, Б.Т. Горянов, М.Н. Тихомиров, С.С. Дмитриев.

В апреле 1949г. Рубинштейн был уволен из МГУ, а до этого исключен из состава ученого совета. В Историческом музее заявление об увольнении подал сам.

О степени давления свидетельствует эпизод обсуждения вопроса о космополитах в Ивановском педагогическом институте, который также приводится в дневниковых записях Дмитриева: «После заседания (имеется в виду заседание Ученого совета по космополитизму в МГУ 28 марта 1949 г.) услышал, что в Иванове покончила жизнь самоубийством Нина Разумовская. Громили Рубинштейна за историографию. Разумовская вступилась. Тогда ее так «проработали» всем собранием во главе с И.И. Мордвишиным (воображаю, что при этом было сказано в Иванове и как, что в Москве, в университете кричали о троцкизме, вражеской, подпольной работе группы Минца и иже с ними, разумея под последними кого угодно и не обременяя себя доказательствами, что придя домой, она перекинула через двери ремешок и повесилась» [6, с. 149].

«Разоблаченные космополиты» были переведены на работу в отдаленные районы страны (Разгон – в Томск, Гуревич и Звавич – в Среднюю Азию) или же уволены. Однако, И.И. Минц, освобожденный от руководства секретариатом главной редакции «Истории гражданской войны» и других должностей, был определен заведующим кафедрой в Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина. В 1949 г. Рубинштейн был принят на работу в Московский библиотечный институт. Возможно, на столь скорое трудоустройство могло повлиять письмо Рубинштейна к министру высшего образования С.В. Кафтанову по во-

просу' отстранения ученого от преподавания в МГУ за «антипатриотическую деятельность, враждебную советской науке». Рубинштейн писал: «Я решительно отвожу от себя столь тяжкое обвинение, ибо всю свою жизнь на научном поприще посвятил служению Родине. Без научной и преподавательской деятельности я не мыслю себе существования» [8].

Рассмотренные данные кампании по борьбе с космополитизмом позволяют сделать вывод о взаимоотношениях общества и власти сер. XX в. Политические кампании санкционировались властью с целью привести к единому знаменателю избранной партийной линии (внутренняя политика) научную интеллигенцию. В послевоенные годы власть ограничилась лишь высылкой из научных центров страны и увольнением. Но в памяти людей были 30-е годы. Отработанный ранее механизм партийного давления действовал.

Список литературы

1. Барсенков А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы 1945–1955 / А.С. Барсенков. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 139 с.
2. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Вопросы истории. – 1996. – №7. – С. 70–71.
3. Рубинштейн Н.Л. Основные проблемы построения русской историографии / Н.Л. Рубинштейн // Вопросы истории. – 1948. – №2. – С. 89–93.
4. Тихомиров М.Н. Русская историография XVIII века / М.Н. Тихомиров // Вопросы истории. – 1948. – №2. – С. 94–99.
5. Шмидт С.О. Судьба историка Н.Л. Рубинштейна / С.О. Шмидт // Археологический ежегодник за 1998. – М.: Наука, 1999. – С. 202–227.
6. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / С.С. Дмитриев // Отечественная история. – 1999. – №3 – С. 142–165.
7. Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы / Ю.А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 1999. – 453 с.
8. НИОР РГБ Ф. 521. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10. Письмо к министру высшего образования С.В. Кафтанову.